
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:001.8

Л. А. Закс

Культурология – наука, созревшая в прошлом, проверяемая настоящим и предвещающая будущее

Статья посвящена культурологии как исторически молодой, еще не закончившей период своего профессионального (содержательного и структурного) становления, институционализации, самоопределения науке. Показаны культурно-исторические (научно-философские) истоки и социокультурная необходимость культурологии среди других наук о культуре, определяемые последними объект и предмет, субдисциплинарная структура культурологии. Анализируются современные представления о культуре и ее структуре, а также традиционные, сегодня имеющие негативное значение, стереотипы (ценностно-познавательные предрассудки) о культуре. Развивается идея возрастающего универсального социального значения культурологии, особенно в свете роста масштабов и значения культуры в современном мире, новейшей технологической революции.

Ключевые слова: культура, культурология, науки о культуре, предпосылки культурологии, культура как система, объект и предмет культурологии, структура культуры, технологическая революция, роль культурологии.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

L. A. Zaks

Culturology – the Science Which Has Ripened in the Past, Is Being Checked by the Present and Foretelling the Future

The article considers culturology as a historically young science which is going through the period of its professional, in terms of the structure and content, formation, institutionalization and self-determination. The author reveals cultural and historical (scientific and philosophical) origins as well as a socio-cultural necessity for culturology among other sciences of culture, its object and subject matter determined by these sciences and its sub-disciplinary structure. The lecture also analyzes current conceptions of culture and its structure and traditional stereotypes (value-cognitive superstitions) of culture, which have negative meanings at present. The idea of increasing universal social significance of culturology, particularly in the light of growing magnitude and importance of culture in the modern world, the newest technological revolution has been developed in the lecture.

Keywords: culture, culturology, sciences of culture, prerequisites of culturology, culture as a system, object and subject matter of culturology, structure of culture, technological revolution, the role of culturology.

Сегодня я решил поговорить о культурологии. Обычно, когда речь идет об учебных курсах, это вводная лекция, которая проскакивает: между прочим, не все студенты даже берут на себя труд записать ее, понимая, что они потом это в учебниках прочитают. Но студенты, которые попробовали прочитать не один учебник, а два, знают, что в каждом из этих учебников о культурологии написано по-разному. Отчасти поэтому я решил выбрать эту тему: она меня очень занимает. Так получилось, что уже много лет, оставаясь эстетиком, я вошел в проблемы, связанные с культурой, и уже кандидатская диссертация моя была посвящена

искусству как феномену культуры. Я тогда не квалифицировал это как часть культурологии, для меня это был культурологический подход к искусству, который и сейчас не утратил своего значения. Потом я постепенно превратился в того, кто лекции читает по этому вопросу, думает об этом, чем дальше, тем больше, и меня это занимает, волнует. Я убежден, что это не случайно, по нескольким обстоятельствам, о которых хотелось бы сказать.

Почему мы с вами заняты тем, в рамках хотя бы этой лекции, что можно назвать работой самосознания? Мы с вами как бы агенты, субъекты

этого процесса. Я понял сегодня, что классическая гегелевско-марксовская «диалектика общего, особенного и единичного» к объяснению того, почему я взялся говорить о культурологии, очень подходит.

Первое – уровень всеобщего. Это то, что мы, вообще, живем с вами в удивительное время, время больших перемен – во всем мире, для всего человечества, и не всегда сами отдаем себе отчет в том, что происходит. Но эти перемены дают о себе знать, хотя бы через проблематизацию того, с чем мы имеем дело. Вещи старые, незыблемые, классические, определившиеся, казалось бы, раз и навсегда, вдруг снова задают вопросы. Отчасти и моя статья как раз про это. Я только что смотрел вручение премии Кандинского, и парень, который получил одну из премий, сказал: «...то, чем я занимаюсь, я не знаю, искусство это, или нет». И в этом ничего странного нет, потому что с искусством происходят вещи, которые заставляют задавать эти вопросы. Что происходит с экономикой, политикой, с человеком? Если появилось странное в логическом плане слово «постлюди», это говорит о том, что все перевернулось и толком не укладывается.

Второй уровень («особенное») – это сама культурология. Культурология – это зона турбулентности, синергетических процессов, в сущности, молодая наука, детище XX в. И в начале XXI в. отнюдь не закончился процесс ее становления.

Третий уровень, уровень единичного, – протисте, я сам. Я втянут в этот процесс, мне это безумно интересно, меня это касается. И это касается не только моего левого полушария, а всего моего существования, так как я – часть большого процесса. Поэтому с точки зрения и мира, и самой культурологии, и с моей личной надо говорить о культурологии.

Что я могу фиксировать относительно состояния культурологии? Это во многом незавершенная область научного знания, прежде всего, в институциональном отношении. Какое место она занимает среди наук в обществе? Это до сих пор открытый вопрос. Начнем с того, что в некоторых странах до сих пор не пользуются этим понятием, хотя, по моим наблюдениям, происходят определенные сдвиги. Например, немцы слово «культурология» не часто употребляют, но прилагательное «kulturologische» употребляют все чаще. Я думаю, это симптоматично, потому что деваться им все равно будет некуда. Опубликована очень интересная большая статья Николая Андреевича Хренова о культурологии как о русской науке. Не думаю, что это абсолютно и исключительно так, но то, что у нас это изнутри идет: от нашей куль-

туры, от нашей ментальности, от наших мировоззренческих, ценностных склонностей – это безусловно.

Процесс шел постепенно. Когда я был молодым человеком, в СССР начали заниматься культурой. Это все было в рамках философии. К занятиям культурой люди приходили из социологии, эстетики, понимая, что все это упирается в культуру. Постепенно пришло к тому, что конец XX – начало XXI в. уже стал идти под эгидой культурологии, и то, что появилась такая позиция, научная специальность «теория и история культуры», тоже доказательство. Но одно из самых главных доказательств – это невероятная мода, когда любой человек, вплоть до учительницы музыкальной школы, называет себя культурологом. Побывав на нескольких российских культурологических конгрессах, я видел этот «Вавилон» людей, совершенно разных, которые называют себя культурологами. Это был один «полюс» вопроса. Другой «полюс» – насколько востребовано то, чем мы с вами занимаемся в рамках культурологии. И тут обратное, к сожалению, приходится говорить, хотя это тоже крайность, которую мы потихоньку преодолеваем. Нет никакого смысла всех, кто занимается гуманитарными науками, записывать в культурологи. Но с другой стороны, мы видим крайне малую востребованность культурологического знания в обществе, в политической системе, в управлении. И даже, как ни странно, в тех сферах, которые являются традиционно близкими для культурологии – в искусстве, художественных практиках и т. д. Хотя тут ее значительно больше.

В большом Уральском федеральном университете проблема с бюджетными местами в магистратуре. Я сам, не будучи работником факультета, который занимается подготовкой культурологов, занимаюсь подготовкой философов. А культурологи у нас сидят на факультете искусствоведения, и мы ходили с деканом этого факультета к нашему местному министру, убеждали его, что надо помочь культурологам получить бюджетные места. И вдруг он нам сказал: «Это ведь ваш ректорат вычеркнул ваши заявки». Это одна из примет того, что в нашем университете доминирует технократический подход. Понятно, что стране нужны инженеры, строители, химики, а культурологи, очевидно, стране пока не нужны. Я убежден, что нужны, так как многие вещи, которые у нас происходят, связаны как раз с дефицитом культурологического осмысления того сложного социокультурного мира, частью которого мы все с вами являемся и которым беремся малокомпетентно управлять.

Культурологию характеризует и содержательная незавершенность. Возьмем учебники: в каждом по-своему написано, чем занимается культурология, что является ее объектом, предметом. Иногда это определение на уровне «она занимается вообще всем», тогда не понятно, в чем разница со всем остальным. Иногда, наоборот, излишне узко, конкретно. Вопрос, чем занимается культурология содержательно, концептуально, дополняется другой незавершенностью. Внутренняя субдисциплинарная структура нашей науки тоже открыта, не завершена. Например, спорят, как соотносится культурология с философией культуры, теория культуры – с культурологией и с философией культуры. Есть конкретные субдисциплины, список которых абсолютно индуктивен, но в конце всякой индукции всегда стоит многообразие. Это нормально, естественно, это не болезнь, это хороший, радостный процесс становления, веселый процесс. Но в то же время он требует, чтобы мы не просто плыли по течению, а все время спрашивали себя, как сороконожка: «Каким образом я хожу?». У меня тема названа, вообще, странно, в ней я сознательно соединил прошлое, настоящее и будущее. Мне кажется, очень важно понимать истоки: откуда пришла культурология, какая необходимость ее породила. Очень много произвола в этих трактовках. Я когда-то был поражен: в очень ранней статье Бахтина, где он рассуждал об искусстве и его природе, он говорил, что если рассматривать искусство вне связи с системной целостностью культуры, то специфика искусства окажется произволом или капризом. У нас постоянно происходят такие вещи. Мы очень свободно выдвигаем всякие идеи, концепции, но часто за этим стоит произвол или каприз, потому что это не всегда логически, а уж тем более историко-культурно, обоснованно.

Еще одна центральная проблемная зона нашей науки – это вопрос о самой культуре. Я думаю, то, что бурлит, то, куда мы движемся, на самом деле определено тем, что происходит с культурой. Но мы до сих пор еще находимся в зоне разноречивых суждений о культуре, что понятно и, в общем, правильно. Культура – это сложная (иногда даже, говорят, «сверхсверхсложная») система, поэтому множество определений культуры – это совершенно нормально. Но тем не менее мы часто находимся во власти старых, исторически сложившихся предрассудков или ложных уверенностей. Эти ложные уверенности часто не дают нам взглянуть на мир, в котором мы живем, гораздо более адекватно. Поэтому важно вернуться в прошлое, где созрела культурология, посмотреть, чем было вызвано ее появление, с моей точки зре-

ния, абсолютно необходимое. Терминологическим отцом культурологии признано считать Лесли Уайта, но, на самом деле, первый человек, который употребил это слово, был даже не гуманитарий. Есть работы Алексея Бондарева, некоторых историков культуры, которые обнаружили, что первым, кто придумал это слово, был Вильгельм Оствальд – знаменитый физик, лауреат Нобелевской премии, которого Владимир Ильич «раскрошил» за «неправильные» философские позиции. Он по той же логике, по какой когда-то Д. И. Менделеев доказал необходимость отсутствующих элементов, исходя из периодического закона, сказал, что поскольку есть науки, которые занимаются общими вопросами, то должна быть и общая наука о культуре – культурология. Его это конкретно не волновало, просто он заполнил логическую ячейку.

Тем не менее до культурологии дошло дело. Это первоначально случилось перед Второй мировой войной. Это и Уайт со своими работами, и Альфред Кребер, и, конечно, мой любимый автор, которого всем рекомендую, – Бронислав Малиновский. Он не пользовался словом «культурология», но также является основоположником новой науки о культуре. У нас издана его замечательная книга «Наука о культуре», и это то, что надо. Откуда взялась культурология, выросла необходимость в ней и ее понимание? Первый источник – большая философская традиция, превратившая за несколько веков культуру в большое интегральное философское понятие онтологического и эпистемологического значения: от Пуфендорфа (конец XVII – начало XVIII в.) до неокантианцев (конец XIX в.). Они выделили огромную часть реальности и сказали, что культура и есть особенная вторая реальность – реальность искусственного происхождения, производная от активности людей, и само понятие «культура» призвано выразить существование, наличие этой реальности и ее особость. Можно вспомнить Николая Заболоцкого: «Два мира есть у человека:/ Один, который нас творил,/ Другой, который мы от века/ Творим по мере наших сил». Это то, что называли культурой. Это одна линия, очень важная, и она наполнялась все более конкретным содержанием. Если посмотреть, чем занимались неокантианцы, – это уже не просто игра в слова/понятия, а систематическая теория культуры. Через аксиологический подход: через идею, что людей отличает от всего мира ценностное отношение, сознание, которое реализует это отношение. Мир ценностей – это и есть мир человека, или культура. Эту точку зрения, кстати, уже в позднесоветское время разделял замечательный грузинский философ Нико (Нико-

лай Зурабович) Чавчавадзе – это была абсолютно неокантианская точка зрения.

Вторая линия – это линия конкретных наук о культуре, где на доминирующие позиции в конце XIX в. вышла этнография, или этнология, которая дала несколько очень важных работ. Одна из важнейших – понимание, что культура не оценочное понятие. Этнография «узаконила» признание объективной реальности культуры, множественности культур. Квинтэссенцией этого стало знаменитое определение Э. Тайлора 1871 г.: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле, складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества». Системообразующего признака культуры он не выделяет. Еще интересно, что, будучи позитивистски мыслящим человеком, Тайлор все равно понимал, что культура – это нечто гораздо большее, чем вот это все, и философскую ветвь, о которой я сказал, он тоже не учитывать не мог. Не потому, что он знал, что она есть, а потому что в голове у него уже это сидело. И буквально через несколько страниц он добавляет: «С идеальной точки зрения на культуру можно смотреть как на общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного общества, силы и счастья человека». То есть он вводит уже момент долженствования, момент ценностный и т. д. Это очень важная вторая ветвь, которая, мне кажется, увенчалась тем, что в XX в. этнология незаметно трансформировалась в то, что называют культурной антропологией. Мне кажется так потому, что, занимаясь какими-то конкретными обществами, конкретными формами существования людей, культурная антропология, в отличие от этнологии, берет уже не только «примитивные» общества, но и различные исторические и современные культуры и субкультуры – в качестве оснований и форм существования людей. Но что оказалось новым и важным? Культурная антропология несла в себе идею, что культура есть некое интегральное специфическое отличие человечества и человека от всех других систем и что разнообразие людей (этническое, социальное, историческое) – это разнообразие сформировавших их культур. Поэтому, когда антрополог описывает конкретного человека, конкретный образ жизни, он в нем учитывает то, что мы называем культурой как «второй» и специфической природой человека. Поэтому антропология – это закономерности человеческого существования, а не просто описание.

Третий важный момент, без которого культурология не появилась бы, – это формирование в недрах коллективного сознания, прежде всего, научного, уже в XX в., системного подхода. То, что было прорывом гениальных одиночек типа Гегеля и Маркса, которые дали образцы системного подхода, – это философская методология и все же, скорее, исключение. А здесь это превратилось в общенаучную установку, ментальную матрицу, парадигму: начиная с великого, недооцененного нашего соотечественника Александра Богданова с его знаменитой всеобщей организационной наукой тектологией и кончая тем, кого считают основоположником современной научной теории систем, – Людвигом фон Берталанфи. Что происходит в то же примерно время, когда Уайт оформляет культурологию в своих работах (30–40-е гг. XX в.). Почему это было важно для нас, для культурологии? Пока не было понято, что множество фактов, модификаций, форм, трансформаций культуры и т. д. есть некое единое целое, говорить о науке, которая занимается этим единым целым, было невозможно и бессмысленно. Это было осознано многими великими людьми. Тот же М. М. Бахтин в замечательной статье «Проблемы материала, содержания и формы литературного произведения» дает, по сути, набросок системной эстетики (обсуждает сущность искусства с системных позиций) и системной культурологии. Он говорит о целостности культуры, в которой каждый факт культуры отражает свое целое и получает свою необходимость и свою специфику через отношение к своему целому – системе. Это важно потому, что идея системы – это идея не просто организованного целого, это идея того, что всякая часть этого целого несет в себе то, что мы называем системными свойствами этого целого, и подчиняется его логике, закономерностям. Само целое больше, чем сумма частей (то есть целое может и должно изучаться самостоятельно, как самоценный объект, не редуцируемый к своим частям), а каждая часть является носителем универсальных свойств этой системы. Когда это стало понятно, стала возможной наука, которой мы занимаемся.

Возвращаемся в наше время. Отсюда вытекает простая вещь, касающаяся того, что такое культурология и в чем ее отличие от других гуманитарных наук. Разница в том, что у культурологии свой макрообъект: культура как система, культура как целое. И если вы как культуролог занимаетесь конкретным явлением культуры, то вы занимаетесь этим явлением как частью (подсистемой, элементом) этой системы, что для культурологии имеет первоочередное значение и выражается в

предмете культурологии. Предмет культурологии – это системные свойства и закономерности культуры: универсальные системные (присущие «культуре вообще») и системные в типологическом плане (историческом, этническом, социальном), так как культура себя модифицирует и трансформирует и исторически, и этнически, и социально, и, например, гендерно. Это уже более частные деления, но системность и предмет от этого не меняются. Если вы в рамках эстетики занимаетесь искусством и говорите, что занимаетесь культурологическим подходом, что это означает? Это означает, что, например, анализируя музыку романтиков, вы должны, во-первых, осмысливать ее в контексте той особой системы культуры, которую называем Романтизмом. Во-вторых, вы должны в этом звучащем микрокосме слышать и интерпретировать силовые, смысловые, логические и т. п. линии, структурные формы культуры романтизма. Это был совершенно особый исторический тип культуры, очень интересно повлиявший на все последующее развитие, вплоть до трагического XX в.

Перехожу к вопросу о предрассудках, о ложных уверенностях, которые мешают в работе, которые пришли к нам из прошлого. Например, когда я говорю о Романтизме, я сразу говорю о Шопене, Гофмане, но Романтизм – это ведь не только искусство. Тенденция к слиянию, растворению культуры в искусстве до сих пор не преодолена. И дело не только в искусстве, речь идет о более широких вещах. Я бы хотел назвать те предрассудки, которые сегодня требуют преодоления, но пока сильно влияют. Объективное понимание культуры многим не дается. Вместо этого – ценностно-оценочное. У нас периодически возникают такие слова, как «антикультура», «некультура» (то, что мы не считаем культурой). Это ценностный подход, который путает объективную реальность, научную задачу с собственным отношением. Отсюда вытекают и националистические выверты, экстремизм, шовинизм – это все базируется на том же самом. Когда мы живем в эпоху столкновения культур, чрезвычайно опасно, когда одна из культур говорит: «А вот вы – не культура». Одинаково плохо, когда о нас так говорит представитель, например, мусульманской культуры, и когда мы ее оцениваем, вместо того, чтобы попытаться понять, почему в другой культуре такое есть, такое происходит. С этим связан второй момент. Это момент идеализации культуры. Мы до сих пор идеализируем культуру, понимаем ее как совокупность достижений, достоинств. Конечно, в культуре это есть, но в культуре есть и многое другое. Культура такова же, какова жизнь. И она также

противоречива, в ней есть такие же достижения, такие же провалы и такие же слабости, а иначе мы не объясним ни историю, ничего другого. И видеть в культуре только плюсы неверно. Я помню, когда появилась очень правильная статья А. Я. Флиера о культуре насилия, тут же другой, тоже замечательный в своем роде, культуролог К. З. Акопян написал о том, какая же может быть культура насилия? Культура и насилие – это противоположные вещи. Это абсолютно наивный, неадекватный, идеализирующий сложную реальность культуры взгляд. Энгельс сказал, что без рабства не было бы социализма. Социализма уже почти нет, а рабство все еще есть. Это относится ко всем аспектам культуры: духовным, материальным, социальным и т. д.

Третий предрассудок, как мне кажется, – это огромное заужение сферы культуры. Сведение культуры к искусству, что мы потихоньку преодолеваем, хотя так называемое ведомственное понимание культуры еще остается и институционализировано. Министерство культуры отвечает за всю культуру? Такого министерства быть не может. Министерство культуры – это на деле министерство художественной культуры и некоторых институций: музеев, библиотек и т. д., которые ее и смежные явления обслуживают. Есть страны с развитой культурой, где нет министерства, а у нас оно играет противоречивую, часто вполне реакционную роль. Есть другая традиция – она очень сильна и многое объясняет. Представления о культуре родились в недрах классического идеализма, поэтому понятно, что когда речь идет о фундаментальных отличиях человека от другого мира, то на первый план выходит духовное. Отсюда отождествление культуры и духовной культуры. Люди говорят о культуре, и там, где надо добавить прилагательное «духовная», они просто говорят «культура». Выпадают огромные пласты реальной культуры человечества: это технико-технологическая культура, наши отношения с природой.

У нас есть материальная культура, и она сплошь и рядом выпадает из анализа. Есть очень влиятельная фигура, которая многое в этом отношении определила, – это Освальд Шпенглер. У человечества, когда оно идет вперед, всякое новое вызывает не только интерес и любопытство, но и оторопь и ужас. У Шпенглера появление индустриальной цивилизации вызвало просто сумасшедший ужас. Он взял и так легко разделил: настоящая культура – это дух, а все, что без духа, – это уже не культура, а цивилизация. Он за этим словом закрепил значение, которое сегодня трагически мешает очень многим смотреть на

культуру объективно, потому что, например, Тайлор, как мы видели, говорит: «Культура, или цивилизация». На самом деле цивилизация – это не особое что-то, это некая онтологическая форма – форма конкретного бытия культуры. Материальная культура включает две подсистемы: природо-преобразующую – ту, что Л. Уайт считал движущей силой развития человечества (так называемый «технологический детерминизм»). Мы с вами находимся в состоянии новой технологической революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь. У некоторых это уже вызывает истерику, они кричат: «Стоп, остановите самолет!». Никто с самолета не сойдет. Но человечество решит эту проблему, как оно решало их раньше. Когда появилась письменность, человечество было в ужасе: как быть? Когда появился печатный станок, человечество тоже было в ужасе. Сейчас так говорят про интернет, считая его катастрофой.

Но особенно интересна вторая сторона культуры, на которую мы мало обращаем внимания, а для нас, для России, это ключевая система материальной культуры. Это культура социальности, культура, которая обеспечивает совместное существование людей. Сегодня уже признано, что в структуру культурологии входит социальная культурология. Я называю эту подсистему социально-организующей, потому что главная ее задача – организация совместной жизни и деятельности людей. А ключевой элемент этой системы – социальный институт. Вот парадокс: социальными институтами традиционно занимаются социологи. И когда люди слышат слово «институт», они говорят, что это социология. Нет, не только. Социальные институты – это ярчайшие феномены культуры, они не даны нам от природы, они созданы людьми. Это искусственные творения человеческой деятельности, без которых люди жить не могут. Об этом писал еще много лет назад Э. С. Маркарян: институционализация – универсальная закономерность культуры. Но еще раньше об этом писал мой любимый Малиновский. Рядом с техникой он ставит организацию. А если вы откроете «Философию культуры» М. С. Кагана, там тоже представлена одна из форм предметности культуры – это социальная организация.

Последнее время появилось огромное количество книг, которые показывают, что институциональный подход стал универсальным для многих гуманитарных наук. Экономисты развивают институциональную экономику: правоведы – институциональное правоведение, политологи – институциональную политологию. Есть потрясающие работы, которые любой культуролог должен читать: «Институты и путь к современной экономи-

ке: уроки средневековой торговли» Авнера Грейфа, например, где он показывает, как становление институтов обеспечило прорывы в экономике, начиная еще с эпохи позднего Средневековья. Грейф, хотя он, экономист, по сути, показывает культурный смысл и социокультурную роль институтов экономики, культурную принадлежность этой институциональной системы. Значит, должна существовать институциональная культурология как часть социальной культурологии. Сегодня мы имеем дело с очень сложно устроенным социокультурным миром. Слово «социокультурный», хотя некоторые его критикуют, сегодня очень важно. Оно выражает системность человеческого существования и существования общества. Мы живем в социокультурной системе. Целый ряд явлений, которые традиционно рассматриваются «по ведомству» социологии. Ими должна заниматься культурология тоже, потому что это структуры культуры. Социальные роли, статусы, идентичности, формы общения, без которых социума нет. Формы индивидуального поведения, стили поведения. Вплоть до идеологии. Тут можно вспомнить замечательного Клиффорда Гирца. Многие люди до сих пор, видимо, наевшиеся советской идеологией, само слово «идеология» слышать не могут. К. Гирц пишет работу об идеологии как о культурном феномене. Ни одно общество не может обойтись без идеологии, без осмысленной системной программы своего жизнеосуществления, воплощенного в идеалах, ценностях, стратегиях и тактиках социального поведения, отношении к природе. Если в нашей идеологии не будет этой экологической составляющей – мы просто пропали. Сегодня этим надо заниматься, особенно, когда речь идет о нашем обществе.

Мы живем, к сожалению, не только в технологически отсталом обществе. Самое главное наше отставание – мы живем в социально-институционально отсталом обществе. В обществе, которое не может стимулировать интерес реального двигателя прогресса – человека. Оно не обеспечивает нужного баланса соотношения сил разных социальных страт. Оно не может эффективно организовать элементарные жизненные процессы, не говоря уже об инновационной деятельности. А будущее создается только в этих процессах. Недавно Высшая школа экономики издала книгу С. Хедлунда «Невидимые руки, опыт России и общественная наука». Там есть подзаголовок «Объяснение системного провала». Автор оценивает состояние нашего социума как системный провал. Я не могу спорить с этим утверждением, хотя это очень грустно. Автор это

показывает на огромном историческом материале. Каждый день мы видим неэффективность социальной организации. Мы видим растущую разобщенность людей, которые воспитаны были в коллективистском духе. Социальная аномия. Базовые законы и нормы общества не работают там, где, казалось бы, они должны работать автоматически. Сороконожка снова должна думать, как она ходит. И это уже не от хорошей жизни. Но мы – великая страна, и наша задача – быть на уровне. Великая отсталая страна... А мир вступает в новую фазу. То, что происходит сегодня, – это мирная культурная революция, которая заключается в изменении масштаба, роли, места культуры в жизни людей. Со второй половины XX в. начался процесс, который можно назвать процессом постепенного выхода на первый план культуры. Традиционная картина мира: природа – это основа, культура – вторая природа. Мы все чаще имеем основание считать культуру первой природой человека.

Еще в 60-е гг. произошла научно-техническая революция. Что тогда случилось? То, что замечательно описал Карл Маркс. Это был прорыв в автоматизацию производства, которая начала постепенно выводить человека за пределы самого производственного процесса и делать его управленцем этой системы. Если культурологически осмыслить – это не просто облегчение работы, на этой почве принципиально меняется отношение с природой. Мы почти не вступаем с природой в прямые отношения, мы всегда опосредованы теми формами производства и потребления, которые делают нас, прежде всего, участниками этого социокультурного процесса. Ж. Эллюль еще в 1963-м г. сказал: «Средой обитания человека теперь является не природа, а техника». А если говорить более широко, то не природа, а культура. Это был первый этап. Что происходит потом? Здесь нужно вспомнить вторую большую подсистему культуры, о которой теперь не говорить отдельно просто невозможно. Это информационная подсистема культуры, которая всегда была вплетена в две другие и постепенно стала выделяться, а сегодня представляет собой не просто самостоятельную сферу, но, по сути, главный двигатель нашего развития. Поэтому мы говорим об информационном обществе, об информационной эпохе. Есть революция в сфере, условно говоря, вещества, и есть революция в сфере информации. А поскольку информация выступает универсальной основой самоорганизации, то с появлением компьютера, сетей социокультурная система радикально меняется, а что впереди – мы не можем даже предвидеть. Это меняет не только отношения

с природой, влияет не только на духовную культуру, не всегда положительно.

Когда люди оказываются связанными между собой через информационные механизмы и институты, то связи в социуме не могут не измениться. Уже сейчас появляются очень интересные работы, которые это пытаются осмыслить. Например, Б. Латур, французский социолог, придумал акторно-сетевую теорию общества. Он социолог, но на него влияют эти вещи. Возникает чудовищное, драматическое напряжение между двумя составляющими нашей социокультурной реальности: архаической и современной. Мы сидим сразу на двух стульях. Есть силы, которые нас тащат в эту архаику. Одна из причин – новый мир дискомфорта. Он непонятен, пугающ. А тут все привычно. Фирсу как было тяжело: до беды лучше жилось. Многие из нас живут в состоянии Фирса. Многие управленческие структуры находятся в таком же состоянии. Говорят, надо поднимать традиционные ценности нашей культуры. Мы видим, что это означает на самом деле. Ведь сами традиции и традиционные ценности совершенно разные. Это может быть обращение к ценности честного качественного труда и трудолюбия, эффективной организации, социальной солидарности. Но на первый план выходят некоторые другие ценности – гораздо менее действенные, менее прагматичные, предметные. Эфемерные ценности, которые очень греют старческое самолюбие некоторых субъектов. И это часто относится к людям небольшого возраста. Есть взрослые ученые, которые впереди прогресса, а есть молодежь, которая цепляется за старое. Страшно сдвинуться с места. Видеть сегодня в процессах духовной культуры только негатив неправильно. Открываются огромные возможности для творчества, для получения образования, весь мир сейчас этим живет. А мы занимаемся тем, что сужаем сферу образования. Это трагическая ошибка. Духовная культура без образованности быть не может. Материальная культура без образованности тоже не может существовать.

Есть много источников, которые говорят о том, что нас ждет в связи с новой технологической революцией. Позиции самые разные: от разумно до неразумно оптимистических. Есть панические настроения. Например, нижегородский философ В. А. Кутырев. Я вижу определенную пользу в его панических высказываниях. Я не вижу ничего страшного в этом, но если мы сосредоточимся на таком взгляде, то пропустим самое важное. Сейчас, если говорить о революции в сфере работы с веществом, это, прежде всего, нанотехнологии, которые связаны с информационной революцией,

но они имеют абсолютно самостоятельное значение. В сфере неживой материи мы получаем абсолютно новые вещества, новые возможности для создания искусственной среды, на других основаниях, чем те, к которым мы привыкли. Не будет, например, коррозии и еще многого из того, чего мы боимся как материальные пользователи. Возьмите уровень биовещества. Мы накануне скачка продолжительности жизни, потому что нанобиотехнологии смогут создавать, не трансплантируя, что, в конце концов, неэффективно, а уже из материала самого человека новые органы. Правда, есть более высокий уровень – психо-нанотехнологии, и тут начинаются страхи: биороботы, которые нас скушают и т. д. Если мы будем дураками, то скушают. Я работаю на компьютере, а не наоборот, несмотря на то, что компьютеры очень развиваются. Искусственный интеллект делает успехи быстрее, чем мы с вами. Но эти успехи программируем мы. И задача регуляции социального сегодня гораздо более острая. Казалось бы, благополучный западный мир: какие там начинаются новые завихрения, контркультурные протестные процессы, антимиграционная волна, в сытой, благополучной Австрии возникает шовинизм и т. д. Люди чувствуют неуверенность в социальном мире. Они привыкли к этой жизни. Это не наше устройство мира, но им страшно. Потому что мир меняется, и они это чувствуют. Трамп – это консервативная реакция на вызовы времени и культуры, это очень понятно и натурально. Культура идет вперед.

Мне попалась небольшая статья немецкого инженера Удо Голуба. Я затрону некоторые моменты в порядке почти ненаучной фантастики. Он даже не трогает нано, но берет то, что лежит на поверхности. Он начинает с того, что в 98 г. в фирме «Кодак» было 170 тыс. сотрудников и фирма продавала 85 % всей фотобумаги в мире. В течение всего нескольких лет их бизнес-модель исчезла и они обанкротились, потому что их продукция перестала быть нужна. Дальше он приводит ряд примеров, связанных с информационными делами, и не только. Программное обеспечение компьютеров (софтвр) коренным образом изменит традиционные отрасли промышленности в ближайшие 5–10 лет. К примеру, компания Uber – всего лишь программное средство. Она не владеет автомобилями, но теперь является крупнейшей компанией такси в мире. Компания AirBnB стала, по существу, самой большой гостиницей мира, хотя не обладает конкретными помещениями.

Понимание мира компьютерами растет по экспоненциальному закону, даже говорят об экспоненциальных технологиях. Компьютер уже выиг-

рал игру Го у лучшего игрока мира на 10 лет раньше, чем предполагали. Игра Го намного сложнее шахмат. В США молодым правоведам стало очень трудно найти работу. Вы можете получить юридическую консультацию во многих областях из «IBM Watson» в течение нескольких секунд, причем с 90 % точностью, по сравнению с 70 % точностью юриста-человека. Если вы сейчас изучаете право, немедленно это прекратите. В скором будущем понадобится на 90 % меньше юристов, останутся только узкие судебные специалисты. «IBM Watson» уже помогает медсестрам диагностировать рак в 4 раза точнее, чем это делают люди. Facebook софтвр уже может распознать лица лучше, чем человек. Можно уверенно предположить, что к 2030 г. интеллект компьютеров превзойдет человеческий. К 2018 г. первые самоуправляемые автомобили станут доступны для широкой публики. К 2020 г. нынешняя автомобильная промышленность начнет исчезать, автомобиль вам больше не будет нужен. Вы вызовете машину по телефону, она приедет к вам самостоятельно и отвезет вас по назначению. Вам больше не нужно будет искать парковку: вы заплатите только за расстояние, причем сможете работать в дороге. Следующие поколения не станут получать водительские права и не станут покупать машины. Это полностью изменит города, поскольку для передвижения понадобится на 90–95 % меньше автомобилей. Автомобильные стоянки можно будет превратить в парки. Сегодня во всем мире 1,2 млн человек ежегодно гибнут в автомобильных авариях, которые случаются каждые 100 тыс. километров. С самоуправляемыми автомобилями эта цифра упадет до 1 аварии на 10 млн километров. Это сохранит миллион жизней в год. Большинство автомобильных фирм обанкротится. Традиционные автомобильные компании стараются усовершенствовать автомобили, в то время как технологические фирмы Tesla, Apple, Google применяют революционные подходы и создают компьютеры на колесах. Я беседовал с инженерами Фольксвагена и Audi – они всерьез боятся фирмы Tesla. Незавидное будущее ожидает страховые компании: без автомобильных аварий страховка будет стоить в сто раз дешевле. Автомобильное страхование практически исчезнет. Бизнес недвижимости серьезно изменится. Поскольку появится возможность работать в машине по дороге на работу, люди будут выбирать более удаленные, но более комфортные для жизни районы. Большинство автомобилей станут электрическими к 2020 г. В городах станет тише, воздух станет чище.

Использование солнечной энергии росло по экспоненциальной кривой за последние 30 лет, но

эффект мы видим только сейчас. В прошлом году во всем мире было построено больше солнечных электростанций, чем на горючих материалах. Стоимость солнечной энергии упадет настолько, что все угольные компании закроются к 2025 г. С дешевым электричеством придет изобилие дешевой воды. Опреснение сейчас требует 2 киловатт/часа на кубический метр. Вода есть почти всюду, но отмечается недостаток питьевой воды. Представьте, какие перспективы откроет возможность иметь любое количество чистой воды почти бесплатно.

Если говорить о *здравоохранении*, победители конкурса на создание Tricorder X будут объявлены в начале 17 г. Фармацевтические фирмы создадут устройство Tricorder X, совмещенное с телефоном. Оно будет сканировать сетчатую оболочку глаза, анализировать состав крови и выдыхаемый воздух. В результате сформируются 54 биологических показателя, определяющих практически любое заболевание. Устройство будет дешевым, что позволит через несколько лет любому на этой планете иметь доступ к медицине мирового класса почти даром.

Трехмерное технологическое печатание. Цена самого недорогого трехмерного принтера снизилась с 18 тыс. до 400 долларов в течение 10 лет. В то же время трехмерное печатание стало в 100 раз быстрее. Все основные обувные фирмы начали трехмерную печать обуви. Запасные части к самолетам уже трехмерно печатаются в отдаленных аэропортах. Международная космическая станция уже использует трехмерный принтер, он устраняет необходимость в доставке с Земли необходимых многочисленных запчастей. В конце этого года новые смартфоны получат возможность трехмерного сканирования. Можно будет просканировать свои ноги и «отпечатать» удобную обувь дома. В Китае с помощью трехмерного принтера уже построили полный 6-этажный дом. К 2027 г. 10 % всех производимых товаров будет создаваться трехмерными принтерами.

Возможности новых бизнесов. Если вы размышляете о производстве нового товара или услуги, спросите себя, понадобятся ли они в будущем. Если да, то нельзя ли начать как можно раньше? Если ваша новая идея не связана с телефоном – забудьте. Практически любая идея, успешная в XX в., провалится в XXI.

Работа. 70–80 % нынешних рабочих мест исчезнет в следующие 20 лет, соответственно, вста-

нет задача трудоустройства. Но там, где возникают проблемы, появляются и ответы. Бизнесмены уже говорят: появятся совершенно другие профессии. Они потребуют, в том числе, обучения роботов, в связи с чем повысится актуальность образованности, поэтому образование – это наше будущее.

Культура, в ее всеобъемлющем значении, в ее динамизме, в ее сложности, – это наше будущее. Поэтому, я думаю, будущее за культурологией. Рано или поздно. У каждого нормального управленца появится культурологический эксперт. И каждый нормальный управленец должен получить культурологическое образование, потому что нельзя работать с людьми, с вещами, с институтами, с информацией, не владея законами культуры и ее свойствами, на которых строится этот процесс управления. Так что я с оптимизмом смотрю на наше с вами будущее.

Если есть вопросы, то они не ко мне, а к тому, с чем мы имеем дело. Каждый день мы сталкиваемся с огромным количеством вопросов. Никогда прежде в истории человечества не был так необходим коллективный творческий процесс, как сегодня. И это невозможно без диалога:

– *Вопрос:* У нас с вами учебные планы похожи, эстетика вообще мало где читается, у нас читается только у культурологов – первый курс, первый семестр. Вы в числе генетически связанных с культурологией наук эстетику вообще не упомянули. Это как понять?

– *Ответ.* У нее не отдельная судьба, она – часть философии. Если взять советскую эстетику, от гносеологизма пришли к функционализму. Каган, Раппапорт, Столович, Еремеев, Киященко. Зачем нужно искусство? Это взгляд, подсказанный всем развитием науки и культуры. Это не эстетика сама сочинила. Кстати, заметьте, что для умного функционалиста это совершенно не исключает понимания искусства в его древнегреческом смысле, потому что таким образом объяснили, зачем нужно художественное познание мира. Посмотрите логику развития Кагана: искусствовед, философ, эстетик, культуролог. Он заканчивает книгой «Диалектика бытия и небытия». А его последнее из изданий лекций по эстетике («Эстетика как философская наука», показательное название) насквозь культурологично, особенности искусства прямо выводятся из его места и роли в культуре.